

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-161-169>

УДК 821.161.2.0

ББК 82.3(4Укр)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. О. Н. Гуменюк
г. Симферополь, Крым

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ ДУМЫ И ВОПРОСЫ ЕЕ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация: Среди эпических жанров украинского фольклора дума занимает особое место. Генетически связанная с былинами, плачами, заговорами и другими более ранними разновидностями устного народного творчества, она широко распространяется главным образом в XVII и XVIII столетиях, но и в более поздние времена бытует в фольклоре и активно влияет на литературный процесс, о чем красноречиво свидетельствует творчество Т. Шевченко и других писателей XIX в. Плодотворно используют и развивают образы, мотивы, стилевое богатство дум и авторы новейшего времени. Актуальной проблемой поныне остается генезис думы, на укорененность которой в традиции древнерусской культуры указывали М. Максимович, М. Грушевский и другие исследователи. Довольно основательно, хоть и далеко не исчерпывающе, изучена поэтика дум, в частности их художественная структура. Думам присуще астрофическое строение — раскованное, словно ничем не ограниченное течение стиха предстает своеобразным эхом неустанного течения жизни. Созвучная динамике воссоздаваемых остродраматических событий, такая стихотворная организация содействует как эмоциональной экспрессивности, так и медитативной рассудительности их поэтического постижения. Вместе с тем Ф. Колесса, а за ним и другие исследователи обратили внимание на обособленные периоды (тирады, фрагменты) этого, в общем, свободного астрофического течения, явственно свидетельствующие о его своеобразной структурированности. Эти периоды преимущественно имеют довольно ощутимую интонационную окраску в музыкальном тексте, а также свою специфику в тексте словесном. Эта специфика, прежде всего на примере конкретных произведений, еще должна стать предметом основательных исследований. Особой выразительности текстам дум придает изысканное сочетание длинных и более кратких строк, чередование разнообразных регулярных ритмов с не менее разнообразными ритмами свободного, часто прихотливого характера. Все это свидетельства той уникальности, о которой относительно украинской думы говорил Т. Шевченко и на которой акцентировал внимание не один исследователь. Впрочем, эта несомненная уникальность не противоречит генетической и типологической связи украинских народных дум с мировой народно-песенной эпической традицией.

Ключевые слова: украинский фольклор, эпос, дума, генезис, тематика, поэтика.

Информация об авторе: Ольга Николаевна Гуменюк — доктор филологических наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет им. Ф. Якубова, пер. Учебный, д. 8, 295015 г. Симферополь, Республика Крым.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7440-2297>

E-mail: olvimy21@gmail.com

Дата поступления статьи: 31.03.2021

Дата одобрения рецензентами: 06.07.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Гуменюк О. Н. Жанрово-стилевое своеобразие украинской народной думы и вопросы ее современного изучения // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 161–169. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-161-169>

Среди эпических жанров украинского фольклора дума занимает особое место. Генетически связанная со старинами (былинами), причитаниями, заговорами и иными более ранними разновидностями устного народного творчества, сформировавшаяся, по мнению исследователей, в XV в., она приобретает особое распространение преимущественно в XVII и XVIII столетиях, но и позднее бытует в фольклоре и активно влияет на литературный процесс, о чем красноречиво свидетельствует творчество Тараса Шевченко и других писателей XIX в. Активно используют и развивают образы, мотивы, стилевое богатство дум и авторы новейшего времени — Павло Тычина, Юрий Яновский, Василь Барка, Лина Костенко, поэты Киевской школы.

Дума — пространное сказание преимущественно о реальных событиях исторического характера, которые притом приобретают легендарно-символическую окраску. Это сказание прежде всего приподнято-патетическое, но вместе с тем медитативное, рассудительное, пронизанное широкой гаммой изменчивых эмоциональных оттенков — от взвихренной тревожности до задушевной элегичности.

Такая чувственная заостренность и вариативность обусловила то, что этот собственно эпический фольклорный жанр многие исследователи называют эпико-лирическим либо даже лиро-эпическим. Отмеченная эмоциональная насыщенность является существенным источником особой художественной изысканности этого фольклорного жанра, его поэтичности и музыкальности. Но все же широко бытующее указанное гибридное обозначение родовой принадлежности украинской народной думы вряд ли уместно. На это резонно обращает внимание М. Дмитренко: «Досадно, что такие дефиниции попадают в учебники, пособия, хрестоматии. В определении жанра “дума” авторы путают эпический и лирический компонент (лиро-эпические, эпико-лирические) и считают думы песнями» [5, с. 14]. При этом исследователь отрицает правомерность и такого обозначения думы, как песенный жанр. Думается, что в этом случае он не совсем прав, ведь дума хоть и речитативно, но все же поется в музыкальном сопровождении, и здесь определение «песенный» можно считать производным не только от слова «песня» но и от таких слов как «песнь», «песнопение».

Станислав Росовецкий отмечает, что украинскую думу отнес к «лиро-эпической песне», к «лиро-эпической кантилене» и на этой основе некорректно причислил ее к наиболее ранним разновидностям фольклорного эпоса еще такой авторитетный исследователь, как Александр Веселовский. Следовательно, современный фольклорист полемизирует с широко фигурирующей, возможно, с легкой руки А. Веселовского, терминологией: «Безусловной приметой эпической зрелости дум является хорошо развитая и сквозная система эпических формул и “тем”, вообще постоянство стилистиче-

ского (в частности, версификационного) канона и мелодичного узора. Хотя сюжетной циклизации вокруг определенных героев в думах нет (не учитывая здесь естественную, так сказать, циклизацию дум о Хмельниччине вокруг образа славного гетмана), но, по-видимому, процесс циклизации в них начинался: иначе трудно объяснить, почему персонаж Иван Богословец (Богуславец) появляется в таких разных произведениях, как аллегорическая дума «Сокіл і соколя» и явно вторичная — «Іван Богословець». Все перечисленное и позволяет выбросить из дефиниций думного эпоса определение «лиро-эпический» [9, с. 292].

Большинство исследователей отмечают, что первое известное упоминание об украинской народной думе как о музыкально-поэтическом фольклорном жанре относится к XVI в. Польский историк Станислав Сарницкий, составивший для короля Стефана Батория хроникальные записи, известные под названием «Анналы» (1587), представляет в описании событий 1506 г. соответствующие свидетельства. «Благодаря анналам Сарницкого, — пишет исследователь украинских народных дум Григорий Нудьга, — узнаем, что украинцы пели в начале XVI в. думу о героической смерти братьев Струсов, но, к большому сожалению, этот летописец не внес в анналы ни единой строчки этой думы. Если принять думу о героической смерти Струсов за фольклорное эпическое произведение того типа, которое теперь называем думами, то перед нами заглавие наиболее ранней вспоминаемой думы» [8, с. 6]. Польский хронист пишет, что в известной ему думе речь идет о двух отважных братьях Струсах, погибших в неравной схватке с врагами (они были «окружены и зажаты волохами»). Он отмечает, что об этих неудачливых храбрецах поются элегии, которые украинцы называют думами. Добавляет, что думы поются тоскливым голосом, а певцы жестами и движениями придают особую выразительность пению.

Первые довольно основательные записи и публикации произведений этого фольклорного жанра осуществлены в начале XIX в. — «Повести малороссийские...», изданные, как известно, Павлом Житецким значительно позже; «Опыт собрания старинных малороссийских песней» Николая Цертелева — 1814, публикация 1819 [12]. Эти записи и публикации жанрового определения «дума» не содержали. Кобзари, от которых записывались эти произведения, обозначали их как «невольничьи песни», «рыцарские песни», преимущественно же как «казацкие песни» либо «казацкие псалмы». Главным образом в связи с этим многие исследователи, в том числе и такие авторитетные, как Катерина Грушевская, считают термин «дума» условным и случайным. Мол, Михаил Максимович ввел этот термин в научный оборот в 1827 г. под польским влиянием, в соответствии с которым словом «*duma*» якобы назывались украинские песенные произведения, как эпические, так и лирические. Читающая общественность, отмечает исследовательница, «называла все украинские песни думами либо — с нежностью к родному слову — «думками»» [3, т. I, с. XIV–XV].

Во времена упомянутых первых довольно основательных записей и публикаций, т. е. в начале XIX в., традиция дум начала приходить в упадок. Очевидно, в связи с этим стало уходить в забвение и жанровое определение соответствующих фольклорных произведений. Поэтому, наверное, был прав академик Владимир Перетц, отрицая мнение о произвольности и условности этого жанрового определения. «Как до XVIII столетия существовали думы, — отмечает исследователь, — так существовал и сам этот термин в применении к историческим украинским песням, составленным неравносложным стихом, рецитуемым профессиональными бандуристами-кобзарями» [5, с. 9]. Как подчеркивает Г. Нудьга, польские хронисты и исследователи термин «*duma*» употре-

бляли, опираясь на то, что именно так называли соответствующие произведения сами украинцы, от которых они были услышаны [8, с. 6]. В определенной степени подытоживает полемику касательно происхождения термина Микола Дмитренко, обращая внимание на то, что согласно «Этимологическому словарю украинского языка» неоднозначное слово «дума» довольно убедительно связывается с праславянским «дму, дую». К семантическому гнезду этого слова, подчеркивает исследователь, относится польское слово “duma” (гордость, гордыня) и болгарское «дума» (слово) [5, с. 9]. М. Дмитренко также ведет речь об определенных параллелях между украинскими думами и эпическими поэтическими текстами южнославянского фольклора.

Украинский фольклор и едва ли не преимущественно дума, как справедливо отмечают многие исследователи, имеет первостепенное значение в формировании неповторимого художественного мира Тараса Шевченко. «Вспомним, — подчеркивает К. Грушевская, — заглавие величайшей украинской книги, в котором автор приравнял себя к одному из профессиональных народных сказителей» [3, т. I, с. XVII].

Думается, к творчеству Т. Шевченко можно обратиться и в контексте упомянутой терминологической полемики. В связи с названием книги «Кобзарь» можно предположить, что все свои поэтические произведения автор образно называл думами. Об этом, очевидно, свидетельствуют и такие стихотворения, как «Думы мои...» (1840), «Думы мои...» (1848). Вместе с тем у поэта есть ряд ранних стихотворений, написанных в фольклорно-песенном ключе, каждое из которых озаглавляется как «Думка». Это произведения, имеющие такие начальные строки, как «Течет вода в сине море...», «Ветер буйный, ветер буйный...», «Трудно-тяжко жить на свете...», «Зачем же мне черны брови...». Подавляющему большинству иных лирических стихотворений автора не присуща такая прямая и откровенная стилизация фольклорных мотивов и интонаций, и, следовательно, у них нет такого собственно фольклорного жанрового обозначения лирического текста, вынесенного в заглавие. Большие поэмы Т. Шевченко, и помещенные в первом издании «Кобзаря» 1840 г., и «Гайдамаки», и позднейшие имеют немало общего с художественной структурой и стилистикой дум, хотя преимущественно они также весьма далеки от их непосредственной стилизации. Поэтому думами их можно назвать лишь в том символическом смысле, с которым связывается название «Кобзарь». Таким образом, можем вести речь об определенном, хотя и вполне своеобразном отзвуке в творчестве Т. Шевченко четко обозначенных фольклорных жанров, в частности, думы и лирической песни, что, собственно, и ознаменовано соответствующей строкой афористического высказывания из послания «К Основьяненко» — «Наша дума, наша песня / Не умрет, не сгинет...» [14, т. 1, с. 120].

Как видим, Т. Шевченко четко различает думу и песню (иногда, по старинной традиции, еще называемую думкой) как два отдельных фольклорных родовых и жанровых образования. Об этом свидетельствуют и размышления рассказчика в повести автора «Прогулка с удовольствием и не без морали», черты портрета и внутреннего мира которого имеют весьма отчетливый автобиографический характер, что проявляется, в частности, и в отношении к думе как к особому фольклорному жанру. Рассказчику дума даже приснилась: «Буря, как миллионы невидимых чудовищ, ревела на просторе. На фоне темных туч блестели стаями белые мартины, а на белых скалах длинными вереницами уселись, как любопытные зрители, черные бакланы. Рев бури опустился, как будто, тоном ниже и стал ослабевать как усердный бас в конце обедни. В густой и тихой октаве бури мне послышались грустно-заунывные мелодии нашей народной думы, “Думы об Алексее, пирятинском поповиче”. Мелодия сделалась

слышнее, слова внятнее, и так, наконец, внятно, что я мог вторить поющему и голосом, и словами. И я вторил следующие стихи: На морі синьому, на камені білому / Ясний сокіл квилить-проквіляє, / На синє море пильно поглядає, / З моря добич вижидає, виглядає... [На море синем, на камне белом / Ясный сокол кричит-восклицает, / На синє море поглядывает, / С моря добычу выжидает, выглядывает...]. Рассказчик задумал сочинить героическую поэму и ищет образцы для нее: «Перебрал в памяти литературы всех образованных и древних, и новых народов, кроме литературы санскритской и моей возлюбленной родной. Чудаки мы, в том числе и я. Недавно кто-то сравнивал наши, т. е. малороссийские исторические думы с рапсодами хиосского слепца, протца эпической поэзии. А я смеялся такому высокомерному сравнению, а теперь, как разобрал да разжевал, так и чувствую, что сравнитель прав и, со своей стороны, готов даже увеличить его сравнение. Я читал, разумеется, в переводе Гнедича, и вычитал, что у Гомера нет ничего похожего на наши исторические думы-эпопеи, как, например, дума “Иван Коновченко”, “Савва Чалый”, “Алексей, попович пирятинский”, или “Побег трех братьев из Азова”, или “Самойло Кишка”, или, или — да их не перечешь» [14, т. 4, с. 241–242].

Поэт говорит о думе как о жанре, имеющем особое значение в национальном фольклорном эпосе, констатирует превалирование в этом жанре исторической героики, отмечает присущую ему образную живописность и музыкальность, к тому же подчеркивает его уникальность на фоне мировой культурной традиции.

Актуальной проблемой до сих пор остается генезис думы, о связи которой с традициями древнерусской культуры писал М. Максимович, отмечая осязаемое здесь родство со «Словом о полку Игоревом». Известны размышления Филарета Колессы, который указывал на еще более давние источники, отмечая связь дум с народными плачами, причитаниями. Трудно не заметить многих общих черт дум и древнерусских былин, на что также обращали внимание исследователи, в частности Михаил Грушевский [4, т. 4, кн. 1, с. 23]. Вряд ли можно согласиться с М. Дмитренко, считающим несущественными былинные традиции для украинского фольклора [5, с. 20]. Не только М. Грушевский, но и современные исследователи подчеркивают наряду с тематическими и жанрово-стилевыми различиями несомненное генетическое родство древнерусской былины и украинской думы. Довольно убедительны доводы С. Росовецкого, полагающего, что былины продолжали бытовать в украинском культурном пространстве до XVII в. [9, с. 282, 294–295].

В целом основательно, хоть и далеко не исчерпывающе, изучена поэтика дум, в частности, их художественная структура. Эта проблема постоянно привлекает внимание исследователей — от М. Максимовича до новых публикаций, в том числе принадлежащих перу М. Дмитренко, Софии Грицы, Наталии Малинской. Исследователи отмечают присущий думам развернутый эпический сюжет, построенный преимущественно по устоявшейся традиционной схеме: запев или зачин, эпическое повествование, подчеркнутое лаконичными живописными описаниями и проникновенными лирическими отступлениями, концовка («заклочка») и славословие. Обращается внимание на выразительную пластичность образов, впечатляющие психологические характеристики персонажей. Отмечая, в частности, такие широко используемые в думах выразительные средства, как красноречивые, преимущественно постоянные эпитеты, колоритные сравнения, метафорические детали и параллели (последние очень часто антитестические), М. Дмитренко особо выделяет символические образы, которые, по его мнению, «чрезвычайно разнообразны, а точнее — разноуровневые». Исследователь уточняет:

«Кроме мирозидательных, космогонических (вода, огонь, земля, солнце, месяц, звезды, Мировое дерево — дуб, явор, орех и др.), ряд символов отображают казацкую атрибутику, мир растений, животных, чисел три, семь, двенадцать, тридцать, семьсот и т. д. Отдельная группа символов имеет христианскую окраску» [5, с. 30]. Цитируемое исследование, как и другие работы, посвященные осмыслению поэтики дум, носят преимущественно обобщающий характер. Одна из существенных задач современной фольклористики — детальный анализ многочисленных конкретных устно-поэтических произведений, на основании чего можно будет сделать еще более убедительные выводы.

Уже при первом знакомстве с думами бросается в глаза преимущественно не присущее иным жанрам украинского поэтического фольклора их астрофическое строение — раскованное, словно ничем не ограниченное течение стиха предстает своеобразным эхом неустанного жизненного потока. Созвучное динамике отображаемых событий, главным образом остродраматических, такое стихотворное изложение содействует как эмоциональной экспрессивности, так и медитативной рассудительности их художественного постижения. Вместе с тем Ф. Колесса, а вслед за ним и другие исследователи обратили внимание на так или иначе выделяющиеся периоды (тирады, фрагменты) этого, в общем, свободного астрофического течения стиха, без сомнения, свидетельствующие о его своеобразной структурированности. Эти периоды преимущественно имеют довольно ощутимые интонационные очертания в музыкальном тексте, а также свою специфику и в тексте словесном, содействуя выразительности отдельных эпизодов, портретных характеристик, лирических отступлений и т. д. И эта специфика, прежде всего на примере конкретных фольклорных произведений, еще должна стать предметом основательных исследований.

Особую влияние придает текстам дум затейливое сочетание различных вариаций длинных и кратких поэтических строк, чередование разнообразных регулярных ритмов с не менее разнообразными ритмами свободного, не раз прихотливого характера. В конфигурации рифм характерно преимущество рифмы глагольной, парной, время от времени становящейся более пространной (трех-четырёх- и даже более краткой), к тому же сочетающейся с внутренними рифмами, также сочетающейся и часто перекликающейся с нерифмованными окончаниями строк.

Все это свидетельства той уникальности думы, о которой говорил Т. Шевченко и которую подчеркивал не один исследователь. Все же эта несомненная уникальность не противоречит генетической и типологической связи украинских дум с мировой народно-песенной эпической традицией, в том числе и с традициями культур Востока. На эту проблему обращает внимание С. Грица, ведя речь, в частности, об определенной связи украинских дум с библейскими и христианскими текстами-песнопениями, к тому же нередко бытовавшими в украинской культуре наряду с думами, особенно во времена барокко [1, с. 47]. Исследовательница также говорит о связи дум с иными ориентальными традициями: «Особенности просодии, топонимика, характер квантитативного импровизационного песнопения, средства поэтического высказывания сближают думы с древнейшими речитативными формами эпического творчества народов Причерноморья и Ближнего Востока. По эзотерическим признакам мелодика украинских народных дум со специфическим ладовым и импровизационным строением подобна восточному макалату» [1, с. 33–34]. Можем говорить и об определенной общности украинских дум и крымскотатарских эпических сказаний — дестанов. Но эта тема еще требует дальнейшего глубокого и многогранного исследования.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- 1 *Грица С.* Думи в синтезі слова, музики та виконавства // Українські народні думи: у 5 т. / упорядники: М. К. Дмитренко, Г. В. Довженок, С. Й. Грица. Київ: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України, 2009. Т. 1: Думи раннього козацького періоду. С. 33–118.
- 2 *Грица С.* Мелос української народної епіки. Київ: Наукова думка, 1979. 248 с.
- 3 *Грушевська К.* Українські народні думи: у 2 т. Київ: Державне видавництво України, 1931. Т. 1. 396 с. Харків: Державне видавництво «Пролетар», 1931. Т. 2. 334 с.
- 4 *Грушевський М.* Історія української літератури: в 6 т., 9 кн. Київ: Либідь, 1994. Т. 4. Кн. 1. 336 с.
- 5 *Дмитренко М.* Українські народні думи як феномен традиційної культури // Українські народні думи: у 5 т. / упорядники М. К. Дмитренко, Г. В. Довженок, С. Й. Грица. Київ: Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України, 2009. Т. 1: Думи раннього козацького періоду. С. 6–32.
- 6 *Кушпет В.* Старцівство: мандрівні співці-музиканти в Україні (XIX – поч. XX ст.). Київ: Темпора, 2007. 494 с.
- 7 *Малинська Н.* Думна героїка. Канон. Література. Онтологія спадковості: монографія. Київ: Амадей, 2001. 214 с.
- 8 *Нудьга Г.* Народний поетичний епос України // Думи. Київ: Рад. письменник, 1969. С. 5–40.
- 9 *Росовецький С.* Епічне своєобразие українських народних дум // *Studia Literarum*. 2018. Т. 3, № 1. С. 282–301. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-282-301
- 10 Українські народні думи / упорядники С. Грица, А. Іваницький та ін. Київ: Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України, 2007. 824 с.
- 11 Українські народні думи: у 5 т. Т. 1: Думи раннього козацького періоду / упорядники М. К. Дмитренко, Г. В. Довженок, С. Й. Грица. Київ: Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України, 2009. 856 с.
- 12 *Цертелев Н.* Опыт собрания старинных малороссийских песней. СПб.: В тип. Карла Крайя, 1819. 66 с.
- 13 *Черемський К.* Шлях звичаю. Харків: Глас, 2002. 444 с.
- 14 *Шевченко Т.* Повне зібрання творів: у 12 т. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 1. 784 с. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 4. 608 с.

© 2022. Olga M. Humeniuk
Simferopol, Republic of Crimea

GENRE AND STYLE ORIGINALITY OF UKRAINIAN FOLK DUMA AND THE ISSUES OF ITS CONTEMPORARY RESEARCHING

Abstract: Among the epic genres of Ukrainian folklore, duma occupies a special place. Genetically connected with such traditional genres as bylina (epic story), lamentation, spell and other earlier varieties of folk oral poetry, it spreads mainly in the 17th and

18th centuries. However, later, it continues to exist in folklore and actively influences the literary process that can be vividly observed in the works by Taras Shevchenko and other writers of the 19th century. Contemporary authors productively employ and develop characters, motifs and style profoundness of this ancient genre. Genesis of duma to our time remains an actual problem. Its persistence in the tradition of Kievan Rus culture has been pointed out by M. Maksymovych, M. Hrushevsky and other researchers. The poetics of dumas, particularly their artistic structure, has been explored quite substantially, although this research is far from exhaustive. What strikes one's eye right from the first acquaintance with dumas is the non-strophic composition. This uninhibited verse flow, as if not limited by anything, distinctively echoes an unceasing flow of life. Resembling the dynamics of recreated highly dramatic events, it contributes to emotional expressiveness, as well as to meditative reflections of their poetic comprehension. At the same time, F. Kolessa, followed by other researchers, noticed more or less detached periods (tirades, fragments) of this generally free non-strophic flow. These periods clearly represent a specific structure of such verse. They principally have quite an appreciable prosodic tint in a musical text, and also their own specifics in a verbal text. This specificity — primarily by the example of concrete works — is expected to become the subject matter of thorough research. A subtle combination of long and shorter lines, alternation between diverse regular rhythms and no less diverse rhythms of a free, often queer nature — all this gives a particular vividness to the texts of dumas. These are the evidence of that uniqueness, which was discussed by T. Shevchenko in regard to Ukrainian duma, and to which many researchers drew our attention. However, this unquestionable uniqueness doesn't contradict the genetic and typological bond of Ukrainian folk dumas and world epic tradition.

Keywords: Ukrainian Folklore, Epos, Ukrainian Duma, Genesis, Subject Matter, Poetics.

Information about the author: Olga M. Humeniuk — DSc in Philology, Professor, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Uchebny per., 8, 295015 Simferopol, Crimea.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7440-2297>

E-mail: olvimy21@gmail.com

Received: March 31, 2021

Approved after reviewing: July 06, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Humeniuk O. M. Genre and Style Originality of Ukrainian Folk Duma and the Issues of its Contemporary Researching. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 161–169. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-161-169>

REFERENCES

- 1 Hrytsa S. Duma v syntezi slova, muzyky vykonavstva [Dumas in the Synthesis of Word, Music and Performance]. In: *Ukrains'ki narodni dumy: u 5 t.* [Ukrainian Folk Dumas: in 5 Vols.], comp.: M. K. Dmytrenko, G. V. Dovzhenok, S. I. Hrytsa. Kyiv, Instytut mystetstvoznnavstva, fol'klorystyky ta etnologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy Publ., 2009, vol. 1: Duma rann'oho kozats'koho periodu [Dumas of Early Cossack Period], pp. 33–118. (In Ukrainian)
- 2 Hrytsa S. *Melos ukrains'koi narodnoi epiki* [Melos of Ukrainian Folk Epic]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1979. 248 p. (In Ukrainian)

- 3 Hrushevska K. *Ukrains'ki narodni dumy: u 2 t.* [Ukrainian Folk Dumas: in 2 Vols.]. Kyiv, Derzhavne vydavnytstvo Ukraïni Publ., 1931. Vol. 1. 396 p. Kharkiv, Derzhavne vydavnytstvo "Proletar" Publ., 1931. Vol. 2. 334 p. (In Ukrainian)
- 4 Hrushevs'kyi M. *Istoria ukrains'koi literatury: v 6 t., 9 kn.* [History of Ukrainian Literature: in 6 Vols., 9 Books]. Kyiv, Libid' Publ., 1994. Vol. 4. Book 1. 336 p. (In Ukrainian)
- 5 Dmytrenko M. *Ukrains'ki narodni dumy iak fenomen tradytsiynoi kul'tury* [Ukrainian Folk Dumas as the Phenomena of Traditional Culture]. *Ukrains'ki narodni dumy: u 5 t.* [Ukrainian Folk Dumas: in 5 Vols.], comp.: M. K. Dmytrenko, G. V. Dovzhenok, S. I. Hrytsa. Kyiv, Instytut mystetstvoznavstva, fol'klorystyky ta etnologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy Publ., 2009, vol. 1: *Dumi rann'ogo kozats'kogo periodu* [Dumas of Early Cossack Period], pp. 6–32. (In Ukrainian)
- 6 Kushpet V. *Startsivstvo: mandrivni spivtsi-muzykanty v Ukraini (XIX – poczatok XX st.)* [Wandering: Itinerant Singers-Musicians in Ukraine (19th – Beginning 20th Century)]. Kyiv, Tempora Publ., 2007. 494 p. (In Ukrainian)
- 7 Malyns'ka N. *Dumna heroïka. Kanon. Literatura. Ontologia spadkovosti: monografiia* [Dumas Heroic. Canon. Literature: Ontology of Heredity: Research Book]. Kyiv, Amadei Publ., 2001. 214 p. (In Ukrainian)
- 8 Nud'ha G. *Narodnyi poetyhnyi epos Ukraïni* [Folk Poetry Epos of Ukraine]. *Dumi* [Dumas]. Kyiv, Rad. pis'mennik Publ., 1969, pp. 5–40. (In Ukrainian)
- 9 Rosovetskii S. *Epicheskie svoebrazie ukrainskikh narodnykh dum* [Epic Specificity of Ukrainian Folk Dumas]. *Studia Literarum*, 2018, vol. 3, no 1, pp. 282–301. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-1-282-301 (In Russian)
- 10 *Ukrains'ki narodni dumy* [Ukrainian Folk Dumas], comp.: S. Hrytsa, A. Ivanyts'kyi and other. Kyiv, Instytut mystetstvoznavstva, fol'klorystyky ta etnologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy Publ., 2007. 824 p. (In Ukrainian)
- 11 *Ukrains'ki narodni dumy: u 5 t.* [Ukrainian Folk Dumas: in 5 Vols.], comp.: M. K. Dmytrenko, G. V. Dovzhenok, S. I. Hrytsa. Kyiv, Instytut mystetstvoznavstva, fol'klorystyky ta etnologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy Publ., 2009. Vol. 1: *Dumi rann'ogo kozats'kogo periodu* [Dumas of Early Cossack period]. 856 p. (In Ukrainian)
- 12 Tsertelev N. *Opyt sobraniia starinnykh malorossiiskikh pesnei* [Attempt of the Collecting of Ancient Ukrainian Songs]. St. Petersburg, V tipografii Karla Kraïia Publ., 1819. 66 p. (In Russian)
- 13 Cherems'kyi K. *Shliakh zvychayu* [The Way of Tradition]. Kharkiv, Glas Publ., 2002. 444 p. (In Ukrainian)
- 14 Shevchenko T. *Povne zibrannia tvoriv: u 12 t.* [Complete Collection of Works: in 12 Vols.]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 2003. Vol. 1. 784 p. Kyiv, Naukova dumka Publ., 2003. Vol. 4. 608 p. (In Ukrainian)